

Лук

Antlitz

№3, Февраль 2010 Anno Domini / 2762 ab urbe condita /
CCXVIII, Pluviôse - Ventôse

З

И

М

И

Я

Я

СТОРОНА

«Все круги разойдутся,
И город окутает тьма
Двадцать лет я смотрю в
календарь,

И все эти годы в календаре зима
И метель не дает нам уснуть,
Не дает нам допеть до конца
Словно паралитическим газом
Наполнены наши сердца»

СПЛИН, «Черный цвет Солнца».

«Я люблю этот город,
Но зима здесь слишком длинна.

Я люблю этот город,
Но зима здесь слишком темна.
Я люблю этот город,
Но так страшно здесь быть одному
И за красивыми узорами льда
Мертва чистота окна.»

В.Цой, «Город».

Редакция: Рада; Бледная Тень.

Обложка: Анна Струк

Иллюстрации: Воробей; Анна Струк; Оксана Бонь;

Дина Пикулина; Илья Кузнецов; Динара

Загрудникова; Семен Сахно; Елена Рожкова;

группа скромных художников ФУД ДВТУ

Связь с редакцией:

РАДА: 8 924 305 32 34; E-MAIL: RADUSHKA_18@MAIL.RU

БЛЕДНАЯ ТЕНЬ: 8 914 205 75 71; E-MAIL: SEELE_IN_NOT@BK.RU

Тираж: ~ 100 экземпляров. Отпечатано: Вольная Антлитцистическая Типография.

МАНИФЕСТ АНТИЛИТЦИЗМА

Локомотив человечества мчится по рельсам времени с всевозрастающей скоростью. Пассажиры, прильнувшие к окнам, уже не различают пейзажей за ними. Всё, что происходит за пределами их вагонов, стало летящим пространством, расцвечиваемым в зависимости от времен года и положения стрелок на циферблате часов. Бесконечная река, в которую устремлены миллиарды глаз, полна водоворотов. Они зачаровывают и вытягивают мысли из человеческих взглядов, лишая их остроты.

Грохот колес и сцеплений нивелировал звуки и превратил их в тишину.

Изредка оборачиваясь друг к другу, люди продолжают видеть перед собой стремительный поток. Слепота стала уделом человека в XXI веке. Механизм сознания продолжает отсчитывать дни, месяцы и годы.

Первое, второе, третье...

Январь, февраль, март...

2009.2010.2011...

Нет проекций. Нет граней. Нет глубины.

Есть линия. Есть плоскость. Есть маски.

Нет лика.

Дернуть ручку стоп-крана и остановить адский счетчик в людском сознании. Сломать прямую линию кардиограммы и заставить ее трепетать. Движение вширь заменить движением вглубь. Сбросить с глаз пелену тумана и прозреть. Сначала цвета, потом контуры, вслед за этим детали, в итоге – сущность.

Экспрессионизм, сюрреализм, футуризм, импрессионизм... Экспрессия, возвышающаяся до крика; объемные изломы калейдоскопических снов, складывающихся в витраж; гротескный бунт космической силы, могучим отголоском будущего идущий навстречу настоящему; мимолетные впечатления, пронизанные тонкими ароматами и искусной игрой красок...

Прежние цели стали средствами и обрели новую цель.

Архимедовы круги на песке разбили свои оковы и стали рычагом, к которому осталось только протянуть руку и привести его в действие.

Скрежет тормозов. Сошедшие с рельсов вагоны. Ушибы, сотрясения, кровь. Тишина статичности – зеркальность тишины скорости.

Но вскоре – обретение середины.

Начинается движение вглубь. Начинается познание лика.

Прозревающие глаза начинают различать контуры и лик, казавшийся единым, распадается на объемные части. Цвета становятся глубже.

С каждым взмахом ресниц заостряется взгляд, ловким ланцетом творя очертания ликов. Расстилаясь изгибами почерков по бледным пространствам страниц, возникают тоннели из света и тьмы. Создаются объемы листов, вьется нить связующих взглядов.

Бесконечное количество смыслов, помноженное на бесконечное количество ликов. Бесконечность, возведенная в бесконечную степень.

Время, пронизанное ликами. Наряду с Голгофой возникает Лациум и слышится шелест голосов Конвента. Мишель Монтень приветствует Поля Элюара и сквозь сияние их воображений возвращается из изгнания Жюльен Ламетри.

Ликование ликов сквозь блики печали и радости.

Возвращение человеку личности.

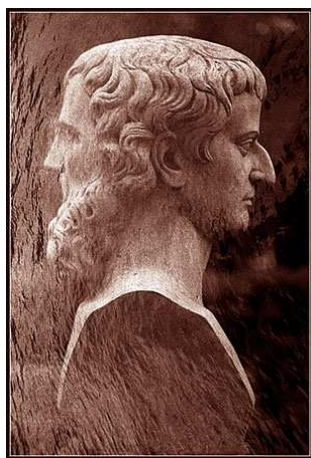
Возвращение человечеству лика.

Бледная Тень

СНЕГ. ТИШИНА. СВЕТ

Снег. Тишина. Свет
Тепло нежных рук - здесь.
Иллюзия или нет?
На чашах души взвесь.

Музыка или фальшь?
Искренне или нет?
Жажда или же блажь?
Снег. Тишина. Свет

Амалия

Сон или может быть явь?
И может быть просто бред?
Я не прошу «оставь»
Я не ищу ответ

Может быть это он?
И может быть это она...
Но зачем тогда «навсегда»,
И зачем тогда «никогда»...

Если и вечности нет
То и любовь умрет.
Может быть просто свет...
И может быть просто лед...

Прошу тебя, душу открой
Если она есть...
И все что дорого, ты
На чашах души взвесь.

Кенгуров Стас

КОЛЕСО ЖИЗНИ

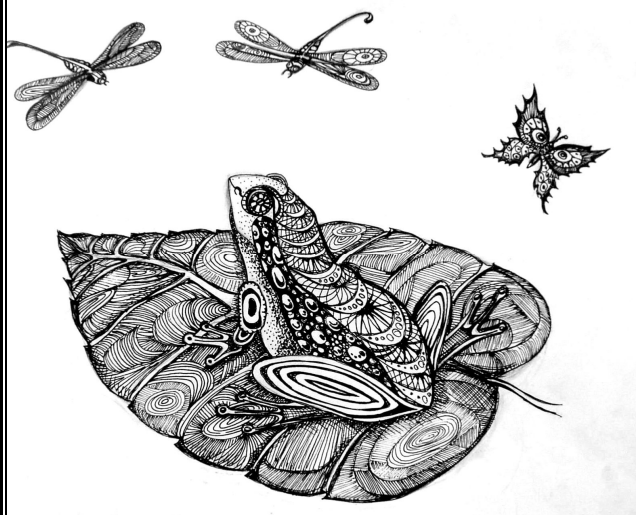
Вырастает из почек надежда
Оторваться от старых корней.
Распахнулись зелёные крылья...
Жаль, пила оказалась сильней.

Ручеек из земли вытекает
И он движется только вперёд.
Океан он увидеть мечтает,
Но упал впереди самолёт.
Огурец – дирижабль военный
Разгоняет прожектором тьму.
А коровка красным мгновением

Постоянно спасает Му-Му.
Равнодушное синее небо
Пропускает вниз жёлтый свет.
Облака, как агенты системы
Отвечают решительно «Нет».

Проливается сверху вода
Из открытого кем-то крана –
Для кого-то – небесный дар,
Для кого-то – открытая рана.

Я тону в океане небес,
Отступает моё побережье,
Исчезает бессмысленный вес,
Вырастает из почек надежда...

Кошка Лаос

Уходящая в метель.
Судьбы, лица, перекрестки,
Чьих-то жизней глубина.
В черном небе звезды-
блестки,
А под ними - я одна.
Не замечена никеми,
Ухожу в метели стон.
Растворяются проблемы.
То, что здесь – всего лишь
сон.

В этом мире я – чужая.
Снежной бури-стервы дочь.
Как и мать моя шальная,
Променяю день на ночь.
Тихо всхлипнув на прощанье
(не замечена, и пусть...)
...замедляется дыханье...
Не скучайте, я вернусь!

Анна Струк

Волосы

У меня росли волосы. Разрывая поры, они прорезались наружу. Они росли на голове, окружали глаза, из рук и ног лезли, топорщились из-под ногтей. Они падали мне на лицо и не давали смотреть; они путались; сбивались в колтуны, когда я пыталась расчесать их. Жли-клик – я обрезала их ножницами – из них капала кровь, но они росли и росли, росли без конца. Когда я высовывала голову из окна, они доставали до земли. Волосы забивались и вытягивались до тех пор, пока я не перестала поднимать под их тяжестью голову. Тогда я раскрыла рот и из него тоже полезли волосы, словно вода из источника. Так я умерла. Но когда меня похоронили глубоко в земле, волосы не переставали расти и росли до скончания мира.

Роза Люксембург

Под Люксембургом начала пухнуть земля. Что за странные подземные процессы к этому привели никто не знал, но с каждым днем гора становилась все больше и больше. Скоро она достигла чудовищных размеров, и Люксембург стал возвышаться над другими странами. Начались катастрофы – дома обрушивались в бездны и пустоты, скрывавшиеся под почвой. Цепочки беженцев потянулись от Люксембурга. Но вот наступил момент, ради которого под землей долгие годы копились соки и тянулись корни, образовавшие гигантский узел. Момент, ради которого гибли люди и с лица земли исчезло государство – сотни чудесных, нежных, благоухающих лепестков раскрылись и явили миру свое величие – распустилась Роза, Роза Люксембург.

Аллюзии

★ Быстрее и лучше всего учишься, когда учишь других.

★ Свобода – это всегда свобода для инакомыслящих.

Роза Люксембург (1871 — 1919 гг.)

Фригга

Выше неба, чище ветра,
Проекользяет незаметно
В черно-розовые сны
Запах пьяной злой весны,
Равецарапанной на части
Неслучайным безучастьем
Тех, кто были так нужны...
Тех, кто были так нежны...

Из блужданий по осколкам,
Без маршрута и без толка
Вдруг рождаются стихи...
Вдруг прощаются грехи...
Тень как прежде где-то рядом,
Под ее зеленым взглядом
Я давно уж не дрожу...
Памятью не дорожу...

Пусть наполнит сны ядом,
Лишь бы был со мною рядом
Мой печальный ангел снов.
Мой веселый демон снов...
Лишь бы только в этих стенах
Неустанно, неизменно,
Смех бы слышался его.
Плач бы слышался его...

Дарья Яхиева-Онихимовская

И больно, и удобно.

**Каждый одинок в своей любви.
Снег идет, полны сердца и крыши.
Мы не на земле - на метр выше.
На земле все по уши в крови -**

**Надо чище, четче и острее.
Ветер, снег, в лицо осколки льда.
В бесконечной снежной галерее
Мы в портретах будем навсегда.**

**Я хочу, чтоб было тихо, серо.
Вечереет. Кружит и снежит.
Сердце расшаталось: стерлась вера,
Тысячью деталей дребезжит.**

**В доме на пригорке гасят свечи,
Снег из звезд: сверкает, как они.
Спрячутся в глазах, исчезнут в вечер
Новогодне-глупые огни.**

**В конуре поодаль, на отшибе,
Воют души - гулко и утробно,
Вместе одиноки - значит, живы.
Мы одни: и больно, и удобно.**

Рада

КАК СТРАННО БЫЛО БЫ СМЕЯТЬСЯ,
КОГДА ТОСКОЙ ИСЧЕРЧЕН ПУТЬ.
КАК СТРАННО БЫЛО БЫ ВЛЮБЛЯТЬСЯ,
КОГДА ДУШЕВНЫЙ ПУСТ ПРИЮТ.

КУРГАНЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ
НАПОМНЯТ НАМ О БЛИЗКИХ.
НЕТ БОЛЬШЕ СЛОВ О ТОМ,
ЧТО БЫЛО, ЧТО БУДЕТ, ЧТО СТАЛО.

И СТРАННО БЫЛО БЫ НАДЕЯТЬСЯ
НА ТО, ЧТО КОГДА-НИБУДЬ
ЗАСВЕТИТ СОЛНЦЕ – ЕСЛИ
В ДУШЕ ТЕМНОТА...

Елена Гун

·ПОЧЕМУ СОЛНЦЕ – В ЛАДОНИ?
·ЕСЛИ ТОСКА – ТО НА ПЛЕЧИ?
·НО ШЕКОЧУТ ЛУЧИ ДУШУ.
·ПОСЛЕ РОЖДАЮТСЯ ПЕСНИ.

СГУБИШЬ МЕНЯ –
БУДЕШЬ МНЕ МУЖЕМ.
БУДЕШЬ ЛЮБИТЬ, РУГАТЬ.
ГОРДЕЦ. УЙДЕШЬ В СТУЖУ.
А МНЕ – БОЯТЬСЯ,
ЧТО НЕ
ВЕРНЕШЬСЯ,
ШАРФОМ НЕ ОБМОТАЛСЯ,
УЖИН ГРЕТЬ, ДОЖИДАТЬСЯ.

Амалия

Снегом замело мое сердце,
отвори поскорей дверь...
можно зайти отогреться...
Или же я не желанна теперь

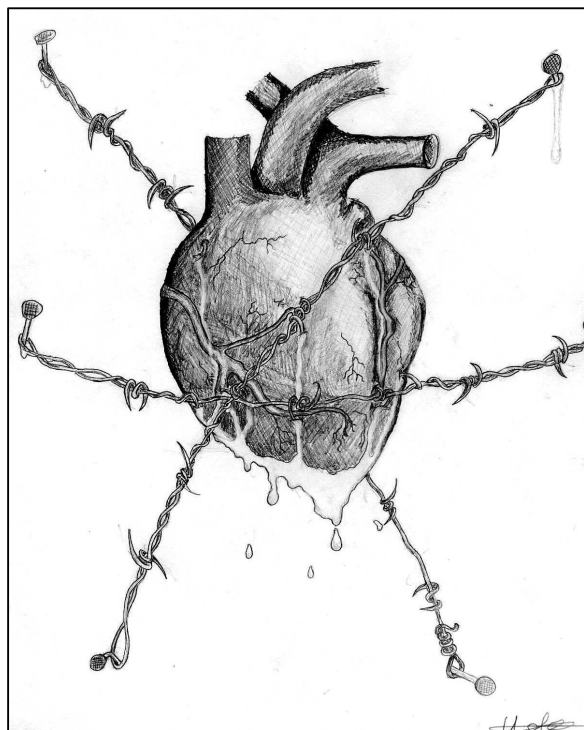
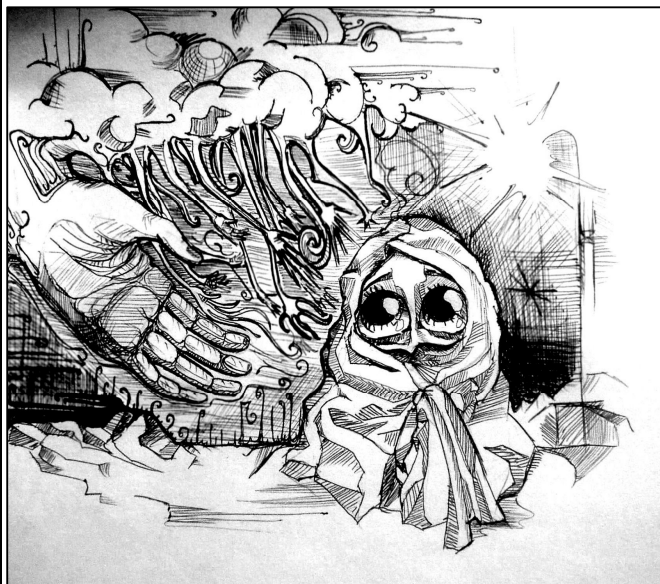
Хорошо, ухожу... не буду
Напрасно напоминать...
И тебе меня, ту, бывшую
Не стоит теперь вспоминать...

Я убегу... не замерзну.
Ты мне не враг и не друг...
Помада алая скроет
Синеву моих губ...

Осенний листок под снегом,
Знай, что это я...
Красным вином до края
Наполнила якоря...

Что держат тело на месте...
Наверное якорь - душа...
Была я твоей невестой
Теперь уже не твоя...

Зима остудила мне сердце,
Меня отогреть не смог...
Никто... ни любимое сердце
Ни желтый под снегом листок

Бледная Тень

ОТВЕРЖЕННОЕ

Ты слышишь шорох.
Знай - это пепел
Слов изречённых,
глаз потускневших

жестов пронзённых скорбная немощь

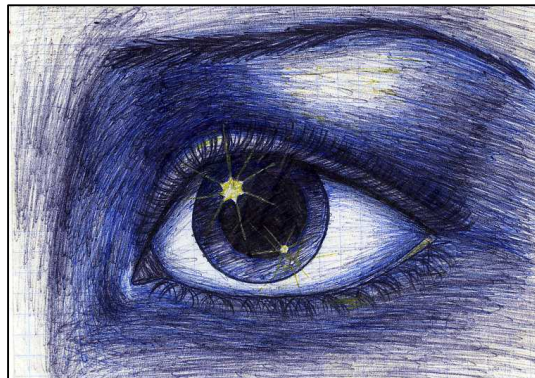
холод могильный у колыбели
легкость твоих отлетевших мгновений
отроческий кашель, чахоткой поющий
трепет шагов и весенней капли
на пепелище, снегами цветущем,
траурный поезд живых привидений

Ты слышишь шорох
Все, что свершилось,
Все, что свершится
Все, что свершается
ныне
- лишь сполох.

Сполох зари на ланцете знамений
нынешних прошлых грядущих времён.

Бледная Тень

Былое

Нельзя сказать, молод он был или стар — он просто был, и этого вполне достаточно. Каждый день, ровно в 16.40, дверь его комнаты неспешно открывалась, и начинался путь по длинному коридору, который преодолевался медленной, безразличной походкой. Стопнанные домашние туфли ловили на себе взгляд глубоких и красивых серых глаз, выражавших то же самое, что полоска свежих новостей в газете пятидесятилетней давности. Длинные, рельефные морщины, иссекавшие продолговатое лицо, придавали бы ему весьма опечаленный облик, но взгляд превращал всё в застывшую маску, не лишенную утонченной красоты.

Люди, встречавшиеся ему по дороге, собственно, и не были людьми. Со временем они превратились в мглистые силуэты, трудноразличимый гул от которых тщетно пытался нарушить его покой. На все обращения соседей вроде «Здравствуйте!», «Как Ваши дела?», «Как Ваше здоровье?» он реагировал поворотом головы и пристальным рассматриванием неожиданного собеседника, сохраняя бесстрастное выражение лица. Дождавшись того момента, когда встреченный призрак начинал нервничать, он отворачивался и шел дальше, мимо обветшалых стен, оклеенных желтыми обоями. В доме его называли сумасшедшим, но на этом все и заканчивалось — тихий душевнобольной затворник не вносил сумятицы в сумбурный покой других.

Он не был мизантропом и не обладал тем высокомерием, которым его поспешно награждали встречные. Просто человеческая реальность для него изрядно поистерлась, став похожей на выжженную солнцем страницу давно прочитанной и забытой на веранде книги — одной из того великого множества экземпляров, составлявших пыльное изобилие его маленькой комнаты. Книги остались единственной отрадой для него. Книги и увеличительное стекло, через которое он погружался в мир, созданный тысячами страниц и сотнями авторов. Иногда ему надоедало следить за черной строчкой, и он мог часами любоваться солнечными бликами, игравшими глянцем в стекольной чистоте...

Вот и теперь, в этот прохладный, но солнечный весенний день, он шел на веранду, чтобы сесть на белую табуретку с облупившейся краской, положить перед собой на стол книгу, облокотиться на деревянный поручень и, вооружившись лупой, погрузиться в свое сюрреалистичное Кривозеркалье. Но... как будто что-то неслышно надломилось. Отведя взор от трещин стола и трепещущих на ветру страниц, он увидел деревья и солнце, почувствовал ветер. Стало зябко, и укрыться от пронзительного холода помогла старая, прохудившаяся шинель, помнившая многое, о чем напрочь забыли обладатели новеньких пальто. Воспоминания... Они иногда приходят и ими хочется укутаться, как старой шинелью, дабы сохранить тонкую связь, ощутить былое биение сердца. В шелесте палой листвы слышать тревожный полуночный шепот, в каплях дождя видеть блеск и глубину блистающих глаз, в порыве ветра ощущать все недолговечность и мимолетность счастья — когда с чистейшей радостью соединяется скорбный плач о неумолимых минутах...

Он провел ладонью по бумажным страницам, ощутив под пальцами едва заметную выпуклость буквенных отрисков. Закрыв книгу, положил увеличительное стекло в карман шинели и побрел назад.

Его похоронили утром, перед рассветом — дабы солнце не успело привычным жестом коснуться морщинистого красивого лица, ставшего посмертной маской. Старая шинель укрыла остывшее тело, а недочитанная книга стала изголовьем новой, грубо сколоченной кровати. Обширная библиотека оказалась на близлежащей свалке — такова была месть тех, что перестали существовать для него, еще будучи живыми.

Стрелки комнатных часов остановились в 16.58.

Гарольд Латинов

Рощальное

Я пишу эти строки о смерти,
В них пытаюсь поведать о жизни.
Слог заклеим предчувствием плети,
Режущей целое на половинки.

Когда петлей белых дорог плутает время,
Змеей, глотающей свой хвост из хрустала,
Ты подожди немного, доживи хоть до капели,
Чтобы в июне справить тризну января.

Когда сюжетных линий перекрёстки
Не выведут ни к счастью, ни к беде,
Переверни их обветшалый остов
В своей разочарованной душе.

Венки гальдаров бросив на гробницу
Тебя не пережившей хмари дней,
Раздай привычное, и выбери границу,
Где сможешь легче вспоминать о ней.

Римма Александровна Рид

В Ершалаиме началась гроза,
В армаде тьмы пропал великий город.
Я вижу страх твой, прежде незнакомый,
В последний раз взглянув в твои глаза.

Свершилась казнь над Лысою Горой,
И тяжек мрак в ершалаимском храме.
И жизнь моя – в оконченном романе,
В тетради с обгоревшей бахромой.

Я стала ведьмой, чтоб тебя спасти,
И бал у Сатаны – всего лишь повод.
И нам с тобой поможет мудрый Воланд
Теперь приют последний обрести.

А тьма уже у Ирода дворца,
Вверх руки золотые идола воздели.
Жестокий пятый прокуратор Иудеи –
На Понтии Пилате нет лица.

Ему не сняться с должности плохой,
На лунную дорогу не вернется
Иешуа-философ: обернется
Бессмертье нестерпимой тоской.

Таков закон; построен мир на нем.
Но все ж двенадцать тысяч лун одну
покроют,
К луне уйдет в плаще с алым подбоем
Прощенный всадник с золотым копьём.

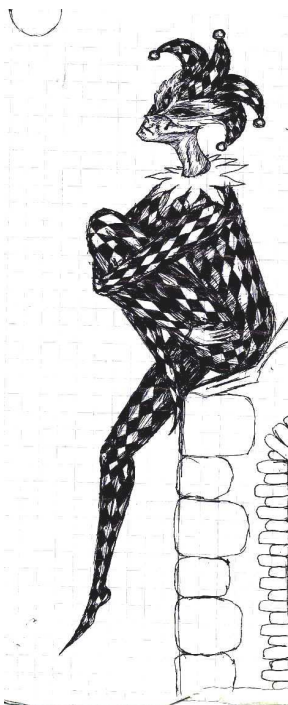
Так под конец все сходятся пути:
Твоя больная память потухает,
И кто-то на свободу отпускает
Тебя, как ты Пилата отпустил.

Б.Поляков

Насыщение

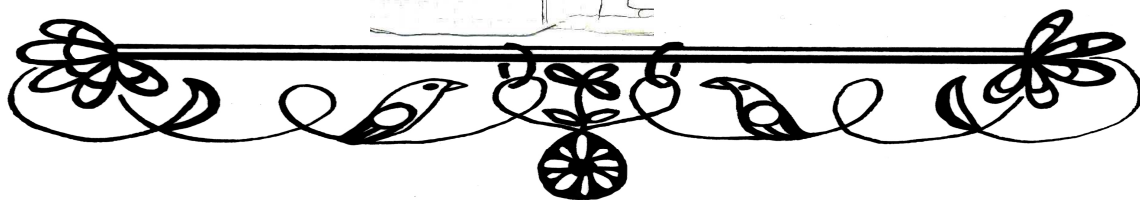
Мозговое вещество
Закипает, булькает,
Серые извилины
Ужирняют суп.
Ем себя ночами я
С рифмами-сдобульками,
Понимаю, черпая:
Пресноват и глуп.

Только голод мысленный –
Он не тётка, знаете ль,
Нет в меню шампанского –

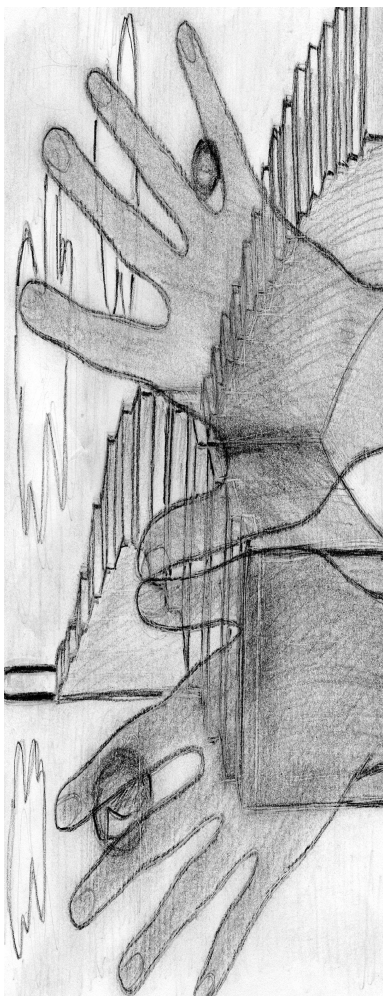
Подойдёт и квас. С кумачовой
скатертью
И под красным знаменем
Зародился алчущий
И пропал Пегас.

Я хлебаю ложками
Что ещё не съедено,
Что деды оставили
От щедрот своих:
Там словечко сладкое,
Там куплет обеденный...
Так и насыщаются
И поэт, и стих.

В.М.

Из этих дорог выбирая,
Я сейчас хочу уйти туда,
Куда никто не указывал пальцем,
Туда, где одна вода
Как кисель заполняет пространство,
Так я перелью тебя
В другого, закроюсь настежь –
Никого не пущу. Сейчас ведь зима.

Мы воевали с тобой? Да, наверное.
Ну и что? Победителей нет.
Я развешиваю маски на стены,
Закрывая ими портрет
Осознавая всю бесполезность
Своих действий и лишних слов
Молчишь. Присягали на верность?
Брось, мы не те. Вот в чем злость.
Это копилось годами
Мы все ждем ядерный взрыв
Ничего никому не прощали
Никогда. Мы ошиблись
Мы устали, но мир исключен
Развод или просто смерть.
Никто не прощен, не отомщен.
Но я готова. Пора. Разбег

Дарья Серенко

Маленькая сказочка о Счастье...

Вылупляется новое счастье:
Скорлупу серых будней - долой!
Тянет ветер кого-то за хлястик:
"Тебя ждут! Пospеши-ка за мной!"
И пойдёт этот Кто-то за ветром,
Если он не обычный дурак,
Улыбаясь и радуясь детям.
Дети - знак. И притом, добрый знак.
"Мы пришли", - скажет ветер. И Кто-то
Ветру тихо и важно кивнёт.
"Вот он, твой вершун желторотый,
Тонконогое счастье твоё!"
И Идущий впервые, неловко
Ему руку подставит свою.
А птенец с золотистой головкой
Приютится на самом краю...
И всё стало как раньше: бездонно
Стало море и высь без конца.
Но не взрослый в плаше, а Ребёнок
Жмёт к груди золотого птенца.

Рада

* * *

Нет теплоты теплей,
Чем теплота воспоминаний.
Нет боли больней,
Чем боль потери.

Уходя, мы клянемся
Не забывать. И жить
Как учили Здесь.
Уйдя – взрослеем.
Забываем ту цельность,
Что объединяла наши души.

Вспоминая ощущаем
Теплоту воспоминаний.
Вспомнив – боль потери...

Поэтапное становление автора.

Этап третий – мастерство

Ремесленник становится мастером, как только осознаёт, что является посредником между творящей силой и людьми. Это осознание должно быть не просто интеллектуальным, а родиться в душе человека. Именно для такого рождения и требуется свобода пишущего ремесленника как сущности.

При этом мастер уже умеет легко обращаться с формой, а значит, содержание для него вновь выходит на первое место. Гармония между ними в его произведениях – отражение гармонии тела и души в самом авторе. Познав форму, мастер уже не беспокоится о ней, зная, что форму определяет содержание.

Главной мотивацией мастера является сам процесс творчества. Да, он может поведать читателям о наболевшем, он может донести до них свои убеждения – но у него нет цели поплакаться в жилетку или доказать свою правоту. Он просто формулирует в словах то, что приходит к нему невербально, а поскольку проблем найти подходящую форму и гордиться ею нет – то нет никаких препятствий к выражению таланта.

Подражание мастерам не свойственно, поскольку оно им просто не нужно. Случайные аллюзии в их произведениях на другие произведения – предмет исследования мистиков.

Стиль мастера ярко выражен и хорошо узнаваем (чувствуется). Он складывается из предельной искренности пишущего, его необычных языковых находок, запоминающихся образов, многоплановости содержания и неопишуемого словами междустрочия. Многим ремесленникам свойственны обрывки стиля, в которых присутствует, например, словесные или синтаксические эксперименты. По мнению автора статьи, стиль – это не только выражение индивидуальности пишущего в форме, но и выражение отсутствия индивидуальности пишущего в содержании. Творчество мастера – как стихи, так и проза – прежде всего, позитивно. Это не значит, что в нём не может быть боли, и оно не может говорить о проблемах.

Позитив – это свет и любовь, льющиеся из души человека, это понимание того, что боль и беды неизбежны и относительно. Творчество мастера часто содержит в себе мудрость его опыта или указания на открытые им истины – причём указания косвенные.

Талант мастера – способность не сопротивляться творящей жизненной силе плюс свободное владение формой – и есть настоящий творческий подход к жизни и литературе. Мастер свободен от амбиций эго, а значит, свободен от главного препятствия, мешающего духовному и творческому росту. Автор статьи замечает, что свобода от амбиций эго не есть свобода от эго, и не отрицает желания мастера издать книгу или получить одобрение или известность. Просто это желание не является главной мотивацией пишущего мастера – в этом большая разница. Мастеру свойственны самоирония и несерьёзность (даже если он пишет юмористические стихи или прозу), ибо он понимает, что, по крайней мере, странно считать себя автором того, что он пишет. Мастер улыбается при виде драк между ремесленниками на ступенях Парнаса, но мастер не насмехается над первыми писательскими шагами учеников.

Признание для мастера – очень второстепенная цель его жизни. Обычно мастер не гонится за ним, и тогда оно приходит – настоящее признание, не зависящее от количества признающих людей и их социального статуса. Оно выражается в том, что его произведения поняли, прочувствовали и вдохновились ими на дальнейшую жизнь. Творчество мастера не может не найти отклика в сердцах тех людей, что не запирают их на амбарный замок амбиций.

Конструктивная критика мастеру нужна, и он её с радостью принимает. Ведь мастер – не есть совершенный писатель или поэт, он по-прежнему учится, зная, что процесс обучения – прекрасен.

Деструктивная критика мастера смешит, а в большом количестве может и раздражать, ибо мастер – всё-таки человек, а не Будда. Сам мастер никогда не будет заниматься такими глупостями, как деструктивная критика, а конструктивная ему тоже не слишком интересна, разве только в виде сатиры.

Длительность этапа мастерства – бесконечна. Бывают начинающие мастера, которые находятся в процессе подготовки к осознанию себя посредником – мгновенного события. Бывают мастера-

исследователи – они понимают, что не являются теми, кто пишет, но хотят узнать, кто же им диктует. Бывают мастера, которыми стали талантливые ученики, минуя этап ремесла – и такие мастера или сумасшедшие, или гении. Бывают также очень хорошие ремесленники, коим уже не интересны личностные игры, – они пишут глубокие позитивные стихи или искромётную прозу, и в их творчестве не хватает лишь задушевных междустрочий. Творчество мастера идентифицируется не всегда так же просто, как ученика, потому что оно может быть похоже по форме на творчество талантливого ремесленника. Оно может быть волшебным и изумляющим, а может быть шокирующим и необъяснимым. Позитив мастера нуждается в осмыслении, чувствовании и эмпатии, а негатив мастеру свойственен крайне редко.

Пример стихотворения, созданного мастером:

Мой старый друг, мой верный Дьявол,
Пропел мне песенку одну:
– Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
«О, верь мне, я не обману»...
Но помни, – молвил умный Дьявол, –
Он на заре пошел ко дну.

Вместо морали

Становление литератора не может быть завершено. Его путь (или муть, автор статьи не знает, как правильно, ибо литератором не является) – долог, труден, но забавен. В этом крошечном исследовании мы с вами упустили достаточно зайцев мудрости, зато сосчитали гораздо больше ворон справедливости. Посему – творите, уважаемые литераторы, не взирая ни на что, а особенно – на подобные этой псевдокритические местостатьи. И пусть перья ваши воспарят, мозги не затупятся, а души – не полезут из ушей! Аминь.

В статье использованы стихи Н. Гумилёва.

Источник: <http://russianwritersclub.com/index.php?razdel=59&article=196>

РИММА АЛЕКСАНДРОВНА РИД

ЧЕМ ПАХНУТ ПОЭТЫ?
СТИХАМИ И МОРЕМ,
СЕЗОНОМ РОЖДЕЙ, ВАЛЕРЬЯНКИ НАСТОЕМ,
ПРОГУЛКАМИ В СТАРОМ СЕРЕЮЩЕМ ПАРКЕ,
ОЗНОБОМ ОТ СЛОВ, ВДОХНОВЕНИЕМ ЖАРКИМ,
НА ГРАНИ МЕЖ СЧК И ТАКИМ ЗДРАВЫМ
МИРОМ
ПОД ПЕНИЕ МУЗЫ ИГРАТЬ ЕЙ НА ЛИРЕ...
ЕЩЕ ЧЕРДАКОВ ОДИНОЧЕСТВОМ ПЫЛЬНЫМ
И ПАРОЙ ПОНИКШИХ/РАСПРАВЛЕННЫХ
КРЫЛЬЕВ,

ПОЛЕТАМИ К ЗВЕЗДАМ НЕ ПО НАУКЕ
И ЯБЛОКОМ ЛУНЫМ В ОЗЯБШИЕ
РУКИ,
ОТСУТСТВИЕМ ТРОПНОСТИ К КРУПНОЙ
БАНКНОТЕ
И СТРОКАМИ НАСПЕХ В ПОТЕРТОМ
БЛОКНОТЕ...
НЕ ВСЕ...НО ПОСТАВЛЮ Я ТОЧКУ НА
ЭТОМ.
...ПРИНЮХАЙТЕСЬ! ЧУЕТЕ ДУШУ
ПОЭТА?

Амалия

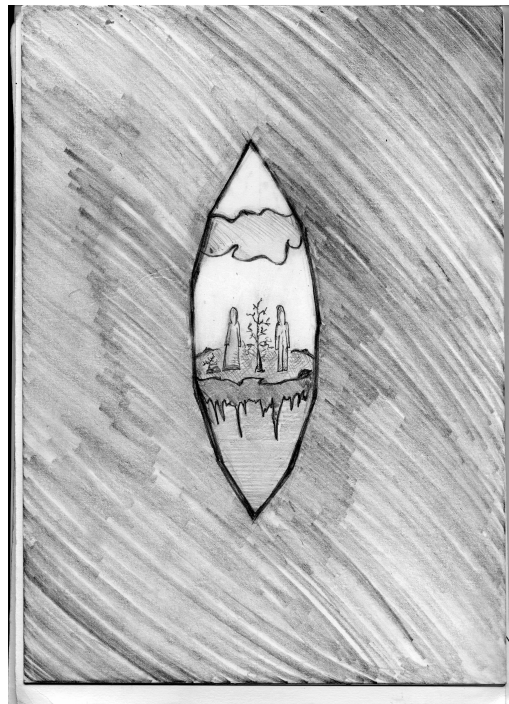
НАЕДИНЕ С МЕЧТОЙ

Наедине с мечтой.. сидеть закрыв глаза.
Не думать ни о чем... не слушать голоса..
Закрыться ото всех и хоть на полчаса..
Наедине с мечтой... побыть... закрыв глаза

И мне не передать той яркой гаммы чувств,
Что манит за собой... стесняет мою грудь..
Сбежать бы ото всех... подняться в небеса..
И там, на облаках с мечтой на полчаса..

Наверно я в бреду... схожу сейчас с ума..
Но мне плевать на все... скорей закрыть
глаза...

И пусть я не проснусь.. но буду знать
тогда,
Что я теперь с мечтой своей теперь уж
навсегда

Бледная Тень

ОТГОРЕВШЕЕ

"Хотели бы Вы почувствовать себя бабочкой? "

Кокон бабочки светлоносной
В тапой легкости зимнего дня
Неплом тающей папирсы
Опадет, сновиденья храня.

Впрочем, нет. "Жороня" – так вернее.
Плак честней, непригляднее – пусть!
Крыльев прах на ветру пламенеет.
Всходит струйками серая грусть.

Извиваясь в закатном багрянце
Ей достигнуть небес суждено.
Белой бабочкой в облачном танце –
В растворенное настезь окно.

Гарольд Латинов

Ещё раз о тишине

Когда в жёлтой стране допьют мою кровь,
И Навь распахнётся в желанном заката,
Я им не оставлю ни дома, ни в доме.
Пусть шёпот огня разносёт и оплачет.

Пусть шёпот огня перейдёт в тишину,
Что схожа с молчанием духа и камня.
"Он странно любил... он боялся весну" –
Так скажут последнее слово прощанья.

Так скажут – и это правдиво вдвойне.
Так будет трава прорастать через пепел.
Так кто-то теряет и ищет в вино,
А кто-то уверен, что мрак тоже светел.

Кошка Лаос

Дождь заменили снегом.
Сказали: «Сегодня зима».
И бесконечным бегом
Пустили вьюгу в дома.
Сердце покрыли слоем
Кристально чистой воды.
Жаль, что морозом сковало...
Кровь – лишь холодные льды.
В этом заснеженном мире
Беспечных душ зеркала
Мы разобьем, словно в тире.
Ведь кто-то сказал: «Пора»...
Мы – слуги стеклянного царства,
Где вечность секунде равна.
От стужи не знаем лекарства.
Нам сердце убила зима.

Амалия

Бессонница

Тихо, совсем без шороха
Ходит в лесу Бессонница...
Воет, скулит, проклятая
Голову кружит буйную...

А мне бы немного радости,
Да хоть чуть меньше отчаянья...
Я бы ее нашла в лесу,
Да к небесам отправила...

Пусть небесам Бессонница
Песни поет печальные.
Пускай ангелы божие
Послушают и опечалятся...

Пусть приютят проклятую,
Душу мою терзающую...
Пусть ей подарят дом,
Чтоб я не была виноватою...

Буду в лесу одна,
Тихо ступать, без шороха...
Буду напоминать
Людям несчастья ворохи...

Бледная Тень

Якобинский мотив для двоих

**Мы листаем страницы сгоревших событий.
Где слова теплый пепел, а образы – дым
Мы даруем свободу искусству наитий.
На изгибах ресниц сновиденья храним.**

**Вязкий матовый вечер мы меряем метрами
Повидавших лета кинолент.
У мятежных страниц, обручившись обетами
Заседает французский Конвент...**

**Адвокат из Арраса с лазоревым взглядом
Милой девочкой смотрит с листа.
Обветшавшим вандейским нарядом
Занавесилась Ночь неспроста...**

**Мы устроим костер из удушливых штор!
Пусть сгорают в искрающем огне!
Под марсельский мажор мы сожжем Термидор,
Улыбаясь друг другу во сне...**

«Мертвые тоже должны жить». Ф. Шиппер

Les Misérables

Циприан Норвид (1821 – 1883)

Человек, считающийся в настоящее время одним из столпов польской литературы, при жизни принадлежал к многочисленной когорте отверженных. Одиноким изгнанник, чуждый многим своим товарищам по эмиграции, большую часть жизни провел в скитаниях. Арестованный по просьбе русского правительства французскими властями, польский революционер оглох и ослеп в тюрьме. Последние дни своей жизни Норвид провел в благотворительном приюте на окраине Парижа Иври, где и умер. Прах поэта был перенесён в общую могилу безвестных польских скитальцев на кладбище Монморанси. При жизни творчество Норвида не было оценено по достоинству и лишь спустя двадцать с лишним лет после смерти, когда большая часть наследия была утрачена, польский критик Зенон Пшесмыцкий «открыл» поэта, поставив в один ряд с Мицкевичем и Словацким.

Как плох сей мир! Но отчего
Он не подобен раю?
- Послушай — двух людей я знаю,
Из них бы сделать одного!

Один наследство промотал,
Пил кстати и некстати,
Мерзавца сделал из дитяти,
Но дивным сердцем обладал!

А о втором идет молва,
Что прожил жизнь скотиной,
Но глас о нем твердит единый:
«Какая это голова!»

Наш мир Эдемом мог бы стать!
Но за одним лишь дело:
Чтоб тело голову надело:

И было голове под стать.

Кроткую песнь не проси у поэта,
Замер во мне ее голос.
Если молчу я — не сетуй на это,
Цветом не сделаешь колос.

Я из отверженных этого мира,
Гордость во мне и мятежность.
Даже любовь в моем сердце двукрыла —
В ней и презренье и нежность.

Пусть же сплетется в пурпурную пряжу
В сердце жестокая пряха.
Гордые — мы перед господом даже,-
Молча мы терпим, без страха.

Wczoraj - to dziś, tylko trochę dalej.
Вчера — это сегодня, только немного дальше.

Praca może się stać życia pacierzem i kluczem do nieba.
Труд может стать молитвой жизни и ключом к небу.

Фотографические лики авторов

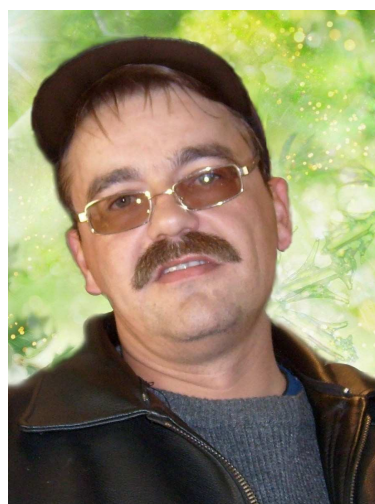
Амалия

Бледная Тень

Гарольд Латинов

Борис Поляков

Рада

Анна Струк

Дарья Серенко

Фригга

Д. Яхиева-Онихимовская